

Затем Вань Цзюньи медленно открыла глаза. Взгляд её упал на лежащее на столе письмо, испещрённое новыми следами слёз и складками. Она смотрела на него несколько мгновений, наконец протянула руку, осторожно сложила лист и убрала его вместе с глиняной свистулькой в нарукавную сумку.

Затем, внутренней силой успокоив волнение в сердце, она поднялась. Не обращая внимания на онемевшие ноги, прямо направилась к деревянной двери. Она решила найти Богиню Снега, расспросить о матери. Может, это хоть ненадолго отвлечёт от горечи...

Без сил отворив дверь, она ещё не успела ступить за порог, как глаза её широко раскрылись.

Почему она здесь?

— Ли... — Голос вышел хриплым, неузнаваемым.

Вань Цзюньи сомкнула губы, наклонилась, чтобы коснуться плеча Ли Чжао, но едва пальцы соприкоснулись с тканью, ощутили ледяной холод.

Мгновенная паника.

Она поспешно приложила пальцы к шее Ли Чжао, нащупывая пульс. Кожа под подушечками была леденящей, но, к счастью, биение всё же чувствовалось — слабое, едва уловимое.

Брови её резко сдвинулись. Не думая о приличиях, Вань Цзюньи подхватила Ли Чжао на руки, занесла в комнату и уложила на постель. Пальцы её дрожали, пока она стаскивала с неё меховую накидку.

Когда на теле осталась лишь тонкая нижняя рубаша, Вань Цзюньи закатала рукав. На руке уже проступили сине-багровые пятна. Не стесняясь, она приподняла край рубашки — живот тоже был в пятнах. Дальше смотреть не стала.

Было ясно: сильнейший холод проник внутрь, вызвав застой крови и ци. Хорошо ещё, что у этой дурочки внутренняя сила принадлежала к стихии огня, иначе она бы уже не дышала.

Тихо вздохнув, она достала из нарукавной сумки футляр с иглами. Немного поколебавшись, всё же сняла с Ли Чжао последнюю одежду. К счастью, та, хоть и не надела нательной безрукавки, обмотала грудь полотном, что немного смягчило неловкость.

И всё же на щеки Вань Цзюньи набежала лёгкая краска, а уши, прикрытые снежными волосами, тоже слегка порозовели.

Странно. Раньше, во время врачевания, ей тоже случалось оказываться в неловких ситуациях, но... не таких.

Поймав себя на этой мысли, она быстро закрыла глаза, отогнала посторонние думы и, открыв их вновь, обрела прежнюю ясность. Медлить было нельзя. Она тщательно принялась ставить иглы.

Вскоре лицо Ли Чжао расслабилось, пятна стали постепенно бледнеть, холод внутри тела тоже понемногу рассеивался.

Видя это, Вань Цзюньи слегка выдохнула. Размышляя, какие травы понадобятся, она сняла с Ли Чжао обувь и носки, закатала штанины — на ногах тоже было немало пятен. Ловко

поставив иглы, она прочистила меридианы, уравнивала инь и ян. Разумеется, только до колен. Выше не было необходимости.

Примерно через полчаса она сняла иглы, убрала в футляр и, опустив взгляд и краснея, одела Ли Чжао.

Чуть позже она поднялась, намереваясь пойти за травами для отвара. Однако краем глаза заметила тень — там, у двери, которую она не успела закрыть.

— Кто здесь? — Нахмурившись, Вань Цзюньи холодно спросила. Голос её был тихим и слегка хриплым.

Услышав вопрос, тот, кто скрывался, не стал больше прятаться и вскоре появился...

Им оказалась та самая посланница — Ляо.

— Прошу... — Вань Цзюньи собиралась спросить, что ей нужно, но, увидев в руках Ляо глиняный кувшин с лекарством, всё поняла. Видимо, эта посланница уже предупреждала ту дурочку не ночевать в коридоре, да только та не вняла.

Так и оказалось. Ляо с лёгкой неловкостью улыбнулась:

— Я предупреждала госпожу Хэ Цин и предполагала, что может случиться нечто подобное.

— Если предполагали, почему же не забрали её прошлой ночью? Вы же должны знать, что холод этого места для обычного человека...

Она резко замолчала.

Вань Цзюньи с ужасом осознала, что вымещает ни на ком не основанный гнев. У этой посланницы не было таких обязанностей, а корень проблемы, в конечном счёте, крылся в ней самой...

— У входа стоит Светоснежный камень, он немного рассеивает лютый холод. К тому же внутренняя сила госпожи Хэ Цин принадлежит к огню, поэтому я решила, что серьёзного вреда не будет. Но, конечно, я была слишком беспечна — нужно было настаивать сильнее. — Ляо улыбнулась, её голос был мягким, как вода, словно она утешала Вань Цзюньи, прося не корить себя и не заикливаться на случившемся.

— Благодарю вас. — Вань Цзюньи опустила взгляд. На душе у неё было сложно.

Ляо мягко покачала головой, давая понять, что не стоит благодарностей, поставила кувшин на стол и, взглянув на уже вернувшуюся в нормальное состояние и крепко спящую госпожу Хэ Цин, сказала:

— Похоже, это снадобье не понадобится. Однако Болезнь снежного холода может спровоцировать внутренний жар, так что потребуется другое лекарство для регуляции. Ммм, госпожа...

— Моя фамилия Цзян.

Слегка удивившись, Ляо кивнула с лёгкой улыбкой:

— Меня зовут Ляо. Госпожа Цзян, не могли бы вы пойти со мной собрать нужные травы?

Думаю, вам будет спокойнее сделать это самой.

Вань Цзюньи и сама собиралась идти за травами, поэтому не стала отказываться. Она лишь беспокоилась о той дурочке на постели. Неизвестно, когда та проснётся и что будет, если не найдёт её здесь.

Заметив её прикованный к ложу взгляд, Ляо всё поняла и успокоила:

— Спутник госпожи Хэ Цин, должно быть, уже поднялся. Думаю, он скоро придёт сюда искать её.

Смысл был ясен: позвать Чжоу Сюаня, и он присмотрит за Ли Чжао.

Услышав это, Вань Цзюньи слегка кивнула. Но прежде чем последовать за Ляо, она снова проверила пульс Ли Чжао, потом укрыла её одеялом, и лишь тогда на сердце немного полегчало.

— Пойдём.

Тихо произнеся это, они бесшумно покинули комнату.

Дверь тихо прикрылась. На постели Ли Чжао слегка зашевелилась, и на лбу её на мгновение нахмурились брови...

Третий этаж Храма Снежного Бога.

В отличие от безлюдного второго этажа, здесь царило оживление. Посланники в красных одеяниях сновали туда-сюда — кто с травами, кто со свитками. Обстановка была мирной и гармоничной, без суеты. И без исключений: у каждого посланника были волосы цвета чистого снега, без единого тёмного волоска.

Увидев приближающихся Ляо и Вань Цзюньи, они все обратили на них взгляды, но ненадолго.

Дойдя до кладовой с лекарствами, Вань Цзюньи, перебирая травы, спросила:

— Госпожа Ляо, для Снежного клана те, кто живёт за пределами гор, — редкость?

Она имела в виду те взгляды — в них читалось удивление, любопытство и изучающий интерес.

Поняв намёк, Ляо улыбнулась. Записывая, какие травы берут, она ответила:

— Нет. В нашем роду каждые десять лет проходит праздник добрых дел. Многие братья и сёстры, только что прошедшие обряд совершеннолетия, спускаются с горы, чтобы творить добро и набираться опыта. Иногда они находят свою судьбу внизу, и немало таких, кто обзаводится детьми. Поэтому многие носящие кровь Снежного клана живут вне его.

Услышав это, рука Вань Цзюньи, открывавшая ящик с травами, на мгновение замерла. Чистый, как родник, голос тихо вырвался у неё из груди:

— А те, кто живёт вне... они редко возвращаются на Снежную гору?

— Тоже нет. Живущие вне должны вернуться в род. Иначе их будет терзать ледяной холод, и они могут умереть рано. — Говоря об этом, Ляо сохраняла ровный, мягкий тон, без колебаний, что придавало её словам лёгкую холодность.

Взгляд Вань Цзюньи на мгновение отвелся в сторону, затем вернулся.

— Почему же так?

Ляо отложила кисть, добавила чернил, взглянула на травы в руках Вань Цзюньи, вписала в реестр «корень шалфея многокорневого» и ответила:

— Госпожа Цзян, вы, возможно, не знаете. Наш род, получив от Богини Снега её духовный путь и небесную мудрость, по контрасту обречён страдать от ледяного холода. И раз мы получаем защиту Снежной горы, избавляющую от бедствий войны, мы должны из поколения в поколение служить горе. Покинуть гору — значит понести кару. Это наследие крови. Даже те, кто родился вне и не получил ни защиты горы, ни благ небесной мудрости, должны принять это наследие.

— Весьма несправедливо. — Не стесняясь, Вань Цзюньи выпалила эти пять слов. Травы она уже почти отобрала. Увидев, как Ляо указывает на свёрток тутовой бумаги в углу, она взяла его, чтобы завернуть снадобье.

<http://bllate.org/book/16264/1464070>